

Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира

Феруза Ш. Бекмурзаева^{a, @, ID}

^a Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, Россия, г. Санкт-Петербург

@ bekmur-feruza93@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Поступила в редакцию 21.01.2020. Принята к печати 19.02.2020.

Аннотация: Рассмотрен один из ключевых концептов русской культуры, имеющих архетипическую природу, а именно концепт *лошадь / конь*. В статье установлены и описаны объективированные языком вторичные символические признаки, формирующие структуру исследуемого концепта. Цель – описать символические признаки в структуре исследуемого концепта. В качестве фактического материала используются источники из Национального корпуса русского языка, русские народные сказки и другие жанры художественного дискурса, представляющие разнородные функциональные стили языка. В ходе исследования была выявлена амбивалентная природа символической категоризации исследуемого анималистического концепта в русском языковом сознании сквозь призму религиозного и мифологического мировидения человека. Амбивалентная природа, заложенная в двустороннем образе коня, напоминает черно-белую оппозицию: как солярный символ, символ небесного начала, божества и как хтонический, демонологический. Отсюда вытекают следующие символические признаки: солнце; небо; дождь; земля; звезда; месяц; птица; огонь; свет; воздух; красный; вода; белый; золотой; иной мир; старость; море; горы; смерть; Келпи – водяной дух; бессмертие; черный; кентавр; троянский конь; волшебство, магия; время суток; число; единство; плодородие; духовность; скорость; вдохновение, созерцание; верность; упорство; бесстрашие; удача; благородство, знатность; чистота, недостижимость; похоть, буйство; скрытность, коварство; сила; красота; разум; мудрость; мощь; жизненная сила. Амбивалентные признаки, выявленные на основе фактического материала, являются инвариантными, так как их исторически сложившееся и закрепившееся значение актуализируется и в современных языковых реалиях. Кроме того, в большинстве своем они положительно ориентированы, что свидетельствует о маркированности, значимости коня в сознании и жизни русского народа.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, структурно-символический признак, символ, мифология

Для цитирования: Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 216–225. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225>

Введение

Становление в конце XX в. когнитивно-дискурсивной парадигмы обусловило признание центральной роли человека как носителя определенного опыта и знания. «В центре внимания когнитивной лингвистики находится решение сложнейшей задачи – объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [1, с. 9], «носитель языка предстает репрезентантом определенных концептуальных систем – концептуальной картины мира, средством аккумуляирования и оформления которой является языковая картина мира» [2, с. 488].

Современная антропоцентрическая парадигма, в рамках которой зародилась лингвокультурология, задает вектор научного направления, выдвигая одну из насущных проблем «определения общей для языка и культуры онтологической платформы» [3, с. 6]. Для этого необходимо изучить

«языковые единицы как средство хранения и передачи ментальности носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность» [3, с. 6]. Для лингвокультурологии базисом выступает языковая картина, поскольку она по-особому структурирует, концептуализирует и категоризирует действительность.

А. А. Потебня в свое время утверждал, что язык национально специфичен и создан исключительно народом: «никто не имеет права вкладывать в язык народа то, чего сам народ в своем языке не находит» [4, с. 133]. Он считал, что язык живет по своим законам и что большую роль играет изучение народных мифов и сказаний – именно они объединяют людей в общество. По словам В. А. Масловой, «язык определяет не только наши мысли, но и способы видения мира, особенности его членения носителями определенной культуры, т. е. языковую картину мира» [5, с. 185–186].

Многие ученые-лингвисты замечают, что языковая картина мира отражает существенные черты мифологического мышления [6, с. 127; 7, с. 32]. В первобытном обществе миф был единственным способом восприятия окружающего мира, существования культуры, в нем сокрыты истоки культуры.

Как утверждает Е. Н. Ковтун, мифологическая форма мировосприятия характеризуется невыделением человеком себя из окружающей среды, нерасчлененностью из-за еще неполного отделения эмоциональной и аффектно-моторной сферы, что вызывает персонификацию природы и метафорическое сопоставление естественных и культурных объектов, выражение сил, свойств и элементов космоса конкретно-чувственными и одушевленными образами, замену причинно-следственных связей прецедентом. Миф нечувствителен к противоречиям, не может провести грань между естественным и сверхъестественным [8, с. 20, 33].

По мнению К. Хюбнера, миф является первичной реальностью, которая существует независимо от сознания, а в современном периоде даже вытеснена в подсознание [9].

Мифологическое сознание закодировано в языке с помощью символов-образов, составляющих структуру концепта. «Язык есть главное и первообразное орудие мифического мышления» [4, с. 261]. «Мифология в высшем смысле слова есть власть языка над мыслью во всевозможных областях духовной деятельности» [4, с. 252].

Символическое мышление, в свою очередь, позволяет «представить понятия, которые мы не можем определить или полностью понять» [10, с. 25].

Основой категориального аппарата лингвокультурологии является концепт. Под ним понимают многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [11], ментальный конструкт, содержащий информацию, являющуюся критерием идентификации, распознавания объекта окружающей действительности в рамках имеющейся у языковой личности определенной концептуальной системы [12–14].

Единицей нашего исследования выступает концепт как фрагмент картины мира, как базовая единица культуры, как «архетип культуры, первоусмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности. Концепты так же реальны, как реальные элементарные частицы, которых никто не видел, как гены, которые видят опосредованно. Опосредованно мы знаем и концепт, который явлен в своих содержательных формах: в образе, в понятии, символе» [15, с. 19].

В символах и знаках зашифрованы законы мироздания. Символический язык – это особый, универсальный язык. Символы служат указателями и помогают лучше понять окружающий мир, а значит жить в гармонии с ним, лучше понять культуру, быт того или иного этноса. Символы чрезвычайно важны для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии и мифологии.

У символа богатый импликационал и бесконечность границ смысловой интерпретации. Когда образы переходят в другие иноземные культуры, происходят изменения, развиваются сами образы.

Так, культурное богатство сокрыто, закодировано в знаке – минимально значимой репрезентативной единице языка. «Содержательной основой знака в языке является значение, а содержательной основой символа – образ» [16, с. 240]. Декодировать значение символа, сокрытого в знаке, возможно лишь «отвлекаясь от языкового значения, выйдя в культурный контекст» [16, с. 240].

Таким образом, метод и методология исследования, используемые в данной статье, основываются на «лингвокогнитивном подходе к исследованию языка, который раскрывает исторически аккумулятивный, референтивный, полифоничный потенциал продукта ментальной деятельности человека – концепта» [17, с. 113], на общем методе концептуальной лингвистики – «погружение в тайну "вещи в себе"» [18, с. 109], методах синкретичного научного направления в лингвистике – лингвокультурологии, на концептуальном анализе репрезентантов соответствующего ментального конструкта, на лексикографическом и компаративно-сопоставительном методе.

По мнению М. В. Пименовой, «символическими называются такие признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [3, с. 149]. «Такие признаки могут быть выделены лишь у тех концептов, которые связаны с мифологической, религиозной и / или фольклорной картинами мира» [19, с. 118]. Это определение обуславливает рассмотрение культурного концепта *лошадь / конь* с позиции структурно-символической признаковой интерпретации, опирающейся на особую форму осознания мира – мифологию и религию, – с целью установления национальных особенностей в русской языковой картине мира. Лингвокультурный концепт анализируется на фактическом материале Национального корпуса русского языка¹, народных сказок и иных жанров художественного дискурса, представляющих разнородные функциональные стили языка.

Культ коня зародился еще в первобытных формах религии. В мифах разных народов конь присутствует как персонаж. Практически все народы, которым были известны лошади, использовали в своем фольклоре соответствующую символику. В русской лингвокультуре символика лошади на примере вербализатора *конь* сложна и многоаспектна.

Результаты

Рассмотрим несколько структурно-символических признаков исследуемого концепта на примере вербализатора *конь* в русской лингвокультуре. Форма *лошадь* не используется из-за ее историко-этимологического отсутствия в лексиконе славян.

¹ НКРЯ. Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru/new/> (дата обращения: 01.02.2020).

Символ коня по праву считается одним из самых древних, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. В славянской культуре он занимает особое важное место, являясь одним из самых почитаемых в славянской традиции животных (*Были травы и кони. Совершенством своим Конь подобен иконе. Так же чист его лик, Так же взор его светел.* Самойлов Д. В ночном).

Лошадь (конь) в русской культуре в первую очередь является посредником между царством живых и царством мертвых: «Конь одинаково считался детищем Белобога (стихия света) и Чернобога (стихия мрака), причем, доброму богу посвящался белый конь, а злому – черный»².

Как представитель царства живых конь олицетворяет саму природу. В славянской культуре образ коня неразрывно связан с почитанием солнца. Конь по древним славянским традициям представлялся в божественном облике золотого солнца. Солнце символизирует высшую космическую силу, всевидящее божество, сердце космоса, центр бытия, глаз мира и глаз дня³ (*Загрохотали отодвигаемые стулья и духоту подвала всколыхнула грозная боевая песня: Воздух, вода, земля и огонь, С неба спускается солнечный конь.* Митьки. Громпопыка). В старину солнце представлялось колесом. Славяне верили, что колеса – это и колесница, и кони, и сам всадник. «Уже в Ведах солнце представляется в образе человека, стоящего на золотой, блестящей колеснице, которую влекут по воздушным пространствам две, семь или десять крылатых, золотошерстных, ретивых кобылиц. Лучи солнечные уподоблялись вожжам или поводьям, накинутым на чудесных коней» [20]. Через образ солнца конь является символом небесных богов, поэтому часто актуализируется эпитетом *небесный*: солнце – это небесный конь (*Зачем? Я был уверен, что это небесный конь, которого послали мне ламы!* Парнов Е. Третий глаз Шивы).

Связь с небом часто представлялась в обозначении стихий природы, образе птицы и звездных светил. Эти образы связывались с культом плодородия. Конь был атрибутом славянского бога Свентовита – бога плодородия и белого света. Природные стихии воды и земли актуализируются субстантивно-предикативным выражением: *дождь / орошать, земля / засеять* (*Потом конь орошал землю дождём, засевая, и Кирилл не решился уточнить способ орошения.* Иванов А. (Маврин А.) Псоглавцы; *Когда он взмахивал крыльями, семена сыпались в море, и с водою их вытиснул конь Тиштар.* Иванов А. (Маврин А.) Псоглавцы). Тиштар является представителем иранского пантеона богов. Он выполняет важную космологическую функцию. В иранской мифологической энциклопедии Тиштар – златоухий

и златоуздый конь, олицетворение звезды Тиштрия, он «выпивает воду океана с осыпающимися от взмаха крыльев Сэнмурва семенами различных растений и затем разливается дождем – так семена попадают в почву»⁴. Тиштрию авеставеды называли звездой дождя. Дождь – благословенный подарок Небес, а звезда, указывающая на приближение сезона дождей, – благой вестник освобождения от жажды, засухи и смерти. Тиштрию считают небесным всадником, который одаривает дождем. Он способен разгонять тьму, предотвращать смерть и голод. Другими словами, образ Тиштрии соответствует космогоническому солярному божеству древних славян, покровителю солнечного света и плодородия – Дажьбогу (Дождь-богу). Белый конь – зоометаморфозная ипостась авестийского Тиштрии. «В авестийском мифе белый конь, как и всадник на белом коне, стали архетипическими символами борьбы с силами мрака и тьмы, что нашло свое отражение в иконографии и геральдике самых разных государств»⁵.

Ассимиляция коня с птицами породила крылатого коня. Крылатый конь – это солнце или космический конь. Он представляет чистый интеллект, невинность, жизнь и свет; им правят герои. Наделение земного животного сказочными крыльями подчеркивало принадлежность лошади к культу солнца и служило символикой духовности. Схожесть с пернатыми олицетворяла и скорость (*В предчувствии торжества, столь чудным образом повторенного торжества, – Чертопханов загоготал победоносно, потряс нагайкой – охотники сами скакали, а сами не спускали глаз с лихого наездника, – конь его летел стрелою, вот уже водомоина перед самым носом – ну, ну, разом, как тогда!..* Тургенев И. С. Конец Чертопханова; *Смутно представляет он себе Большой театр, Москву, летящую четверку коней, свет между колоннами...* Казаков Ю. Трали-вали). В художественных произведениях можно встретить имя древнегреческого крылатого коня – Пегаса. В иносказательном смысле он символизирует «поэтическое вдохновение, красноречие и созерцание»⁶ (*– Пегас – крылатый конь вдохновения. Все мои предки обожали музыку, живопись, театр, поэтому мой дедушка так назвал своего сына, моего папу. – Лошадиным именем?* Синицына В. Муза и генерал).

Солнце также является небесным огнем, и все проявления огня проецировались на мифологических коней. Конь-огонь является с пламенем из ноздрей и дымом из ушей (*Откуда ни возьмись конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит.* Сказка «Сивка-бурка»). Этот образ актуализируется эпитетом *огненный* (*Здесь нелишне будет указать, что и сказочный конь, совершенно как ведический огненный конь Агни, добывается*

² Конь // Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский Купец; Братья Славяне, 1996. Режим доступа: <https://rpgan.ru/slowag/kon-2/> (дата обращения: 12.12.2019).

³ Солнце // Словарь символов. Режим доступа: <http://religion.niv.ru/doc/dictionary/symbols/articles/54/solnce.htm> (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Тиштар // Мифологическая энциклопедия. Режим доступа: <http://jandex.org/tishtar.html> (дата обращения: 18.11.2019).

⁵ Тиштрия – Дождь-бог // Зороастрийцы Санкт-Петербурга. Режим доступа: <https://www.zoroastrian.ru/node/1870> (дата обращения: 10.12.2019).

⁶ Пегас // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицин В. А. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / под общ. ред. В. А. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. С. 40.

из огнива. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки). Огненный конь по древним верованиям был посредником между двумя мирами (*Нам достаточно указать, что огненный конь, посредник между двумя мирами, имеется в религии скотоводческого народа, создавшего государственность.* Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки). Надо отметить, что В. Я. Пропп, известный советский ученый-фольклорист, выявил поразительное сходство коня с индийским богом Agni.

Как огненная стихия конь имеет еще и значение света. Славяне очень почитали коней белых и рыжих мастей, потому что они воплощали свет, светлые силы, т. е. само солнце (*Но когда Чеюн и Дзийи бьются в воздухе на мечях в развевающихся красных одеждах и вихре желтых осенних листьев или когда та же Чеюн в голубых одеждах уходит вдаль на фоне голых серо-голубых гор, а сбоку стоит ослепительно белый конь – это все-таки здорово.* Гладиальщиков Ю. Певцы Чикаго и Великой Китайской стены; *Боевые корабли рассекли волны реки, римские орлы полетели над когортами, и белый конь понес императора навстречу восходящему солнцу.* Мережковский Д. С. *Смерть богов; По прошествии же трех дней царевич увидел, что из маленького жеребенка сделался прекрасный конь.* Сказка вторая о Иване-царевиче). В далекой древности слово **красный** имело значение **красивый**.

В фольклоре встречается конь с красным цветом масти, который, несомненно, вызывает ассоциации с солярно-огненной природой коня (*Там, в прохладных безлюдных залах, в тихом свете, висели любимые картины. Красный конь с золотым наездником в лазурном озере – Петрова-Водкина. Проханов А. Господин Гексоген.*)

Подобно стихии, конь был представителем одного из главных богов славян – бога-громовержца – Перуна, который разъезжал по небу на огненной колеснице, запряженной конями в сопровождении свиты – Грома, Молнии, Дождя и Урагана. Перуна считали покровителем воинов, учредителем нравственного закона и самым первым защитником Правды (*Веселый, пышный и все же поднадзорный огонь (пожарная машина стояла чуть поодаль, и резиновые удавы змеились по камням в полной готовности к душению злого веселья) казал всем бешеные языки, пытаясь дотянуться до визжащей публики за столами... Вдруг грохнуло и рассыпалось небо: высоко-высоко взметнулся и пролетел-проскакал ало-золотой конь первого фейерверка.* Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын; *Народ, этот «конь, встающий на дыбы», эта стихийная сила, родственная горам и морям («толпа взволнованнее моря»), объект религиозного культа тысяч и сотен тысяч интеллигентов, народ готов, наконец, вручить свои «страшные судьбы» (с ударением на «ы») «рукам изнеженным поэта».* Макушинский А. Город в долине).

В иранской мифологии колесница Ардвисуры Анахиты запряжена четверкой белых коней: ветром, дождем, облаком и мокрым снегом. Колесница Мага запряжена четверкой боевых коней, символизирующих четыре элемента и их богов

(*Воздух, вода, земля и огонь, С неба спускается солнечный конь.* Митьки. Громпопыка). Стихийная сила сделала коня символом жизненной силы, мощи.

Масть коня – одна из интереснейших областей колоративной картины мира русского народа. Как известно, для коней есть целый набор эпитетов, образующих палитру цвета: гнедой, саврасый, сивый, каурый, вороной и др. (*Саврасые кони, гнедые, каурые, Мы слышат привыкли твой окрик хозяйский, Но вот смертоносной подхвачены бурей И мчимся галопом к последней развязке.* Блаженный В. Когда умирают поэты безропотно...). Доминирующим в зооморфной символике является белый цвет масти коня. Колоративный эпитет **белый** у древних предков также олицетворял светило, светлое время суток. На Руси белого коня считали одним из священных животных солнечного бога Дажьбога (*Сему идолу посвящен был белый конь, у коего из гривы и из хвоста не позволялось ни единого выдернуть волоса, ниже сесть на него, кроме жреца, ибо народ верил, что Световид на нём ездил для поражения их неприятелей во время войны, во уверение чего предлагалось в стойле, что когда оставляли его вычищенного и привязанного, то находили часто поутру вспотевшего и замазанного, как будто кто на нём ездил ночью в дальний путь.* Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки). Белый конь был атрибутом Световида – сына светлого бога, покровителя воинов. Существовало поверье, что Световид с конем по ночам сражался с врагами, обеспечивая землю рассветом.

Часто в мифологии можно встретить лошадь золотой масти. Метафорически – это символический геоцентризм (*Углы ее заливал мрак, а в середине, поблескивая чуть-чуть, высился золотой, поднявшийся на дыбы, конь.* Булгаков М. А. Записки покойника; ... так, говорили, что в графининой гостиной, где висят портреты всех польских королей, находились большие столовые часы, имевшие форму утеса, на утесе стоял дыбом золотой конь с бриллиантовыми глазами, а на коне сидел золотой всадник, который всякий раз, когда часы били, взмахивал шашкой направо и налево. Чехов А. П. Степь). Конь золотой масти был тотемным животным славянского солнечного бога Хорса.

Священный статус коня золотой масти подтверждается и народными сказками. Например, в русской народной сказке верный Золотой конь помог пережить добру молодцу Ивану непростые испытания (*Вот братья повымыли, повычистили своих коней, а Иван только пером махнул: стал конь золотой, волос к волосу лежит.* Сказка «Золотой конь»). Конь стал символом верности (*Ой, конь мой верный! Вот мне беда! Сказка «Золотой конь»), упорства, бесстрашия (Выслушал его конь и говорит: – Теперь беда. Ну, что будет, то будет. Готовь двенадцать кож, двенадцать пудов бечевы, двенадцать пудов смолы и три пуда железных прутьев. Поедем к морю за кобылицами.* Сказка «Золотой конь»; *Не бойся, хозяин, – говорит ему конь. – Делай так, как я скажу.* Сказка «Золотой конь»), благополучия (*Заржал конь на конюшне три раза. Тут*

Иван в котел прыгнул. Три раза от края до края проплыл. Вышел на свет живой, невредимый. И так хорош был, а теперь совсем красавцем стал: кровь с молоком. Сказка «Золотой конь» и удачи (Все кони чисты, все хороши. **А Иван вывел – еще лучше. Конь пляшет золотой.** Сказка «Золотой конь»). Способность коня приносить удачу подтверждает и подкова, которую прибавляют к порогу (Снятая подкова блестяла, как серебряная, я заслонил её, чтобы потом незаметно поднять, но дедушка отодвинул меня и поднял ее сам. Он тут же **прибил её к порогу – на счастье.** Фазиль Искандер. Лошадь дяди Кязыма), «следы конских копыт в древности нередко были знаками, дарующими благодать. В более поздние времена эту функцию стали исполнять подковы»⁷.

Верность коня сделала его постоянным участником ратных дел. Как только конь стал незаменимым, непосредственным ратным помощником и спутником императоров, королей, рыцарей, он стал символом благородства и знати (Боевые корабли рассекли волны реки, ... **белый конь понес императора навстречу восходящему солнцу.** Мережковский Д. С. Смерть богов. Юлиан Отступник; Тут столько любопытного, но никто не может мне объяснить... Мне желательно знать, кто этот русской **рыцарь на коне?** Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея). Белый конь стал символом победителя (Громкой славой увенчанный, в час неурочный, **Я въезжаю в столицу на белом коне.** Самойлов Д. Ревность).

Многие народные предания сохранили образы небесных защитников, приходивших на помощь своему народу в дни бедствий и войн. Существует предание о явлении Сергия Радонежского на Куликовом поле в виде всадника на белом коне, пришедшего на помощь русскому войску (Земли не касаясь, с звездой наравне **Проносится всадник на белом коне,** А слева и справа Погибище рати несутся за ним, И вороны-волки, и клочья, и дым – Вся вечная слава. Кузнецов Ю. Сказание о Сергии Радонежском). Видя защиту и поддержку от небесных покровителей, русское войско одержало победу. Битва на Куликовом поле повторилась зеркально на небе (На полном скаку остановится **конь, Копыта низринут туманный огонь – То пыль с Куликова!** Кузнецов Ю. Сказание о Сергии Радонежском). В этом видятся отголоски культа духов-покровителей, предков, помогающих своему народу с того света. Конь олицетворяет воинскую доблесть и славу.

Существуют отдельные канонические сценарии поведения: идеальный суженый в русской лингвокультуре должен появиться обязательно на белом коне (Где же ты, мой сказочный принц? **Принц на белом коне. Когда же ты спасешь меня от этой злой обыденности?** Ростовский А. По законам волшебной стаи; Хорошо, слушай... Вначале у тебя каким-то образом решится квартирный вопрос, затем в твоей жизни наконец появится он – **сказочный принц на белом коне.** Милованов М. Естественный отбор).

Белые кони – символ чистоты и недостижимости (Хрустальная роцца блистала над синим заливом, За старым пророком бежал розоватый ягненок, **И белые кони** вослед голубым переливам Несли золотистых, прекрасных, нагих амазонок. Чиннов И. Как белые птицы, летали высокие ноты...).

Лошадь символизировала как жизнь, так и смерть (Пронзительное **предсмертное лошадиное ржание. Из черного дыма вырвалась пара коней,** волоча разбитую повозку, устремилась в Днестр. Бакланов Г. Я. Пядь земли). Пара коней, белый и черный, воплощают жизнь и смерть. Дуальность миров в едином образе объясняется тем, что лошадь в традициях древних народов считалась проводником между миром живых и миром мертвых. Поэтому конь у славян служил антагонистическим символом «смерти и воскресения, подобно восходящему и заходящему солнцу» [21] и описывался в фольклоре эпитетом *волшебный*. Бинарный принцип дня и ночи, вечера и утра встречается, например, в сказке «Волшебный конь» (Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть. Как придешь на конную, будет там один мужичок **лошадь** продавать крепко худую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин – давай, не торгуйся! А как купишь, приведи ее домой и паси в зеленых лугах двенадцать **вечеров** и **двенадцать утров** по росам – тогда ты ее узнаешь! Сказка «Волшебный конь»). Волшебство и бинарный принцип в свою очередь сокрыты не только в образе коня, но и в его привязанности к числу двенадцать. Проявляется качественная символика числа по отношению к физическому объекту (Стал Иван водить свою **лошадь** каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот как **прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних – сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая,** что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая **разумная** – что только Иван на уме помыслит, а она уж ведает. Сказка «Волшебный конь»). Нумерологический символ 12 является священным числом древних народов. Число божественное и мистическое. Произведение (3*4) и сумма (1+2) двух чисел, образующих число двенадцать, связывают друг с другом и отождествляют с единством целого мира, который формируют мир земной и мир небесный, божественный, мир человеческий и мир звездный. Получившееся от суммы чисел число три – это символ «божественной сущности, символ горнего мира, символ христианской Троицы и триад языческих богов»; число четыре, получившееся от произведения чисел – «число материальных стихий, стран света (север, юг, восток и запад), то есть символ земного, человеческой природы, дольего мира»⁸.

Соответственно, конь символизирует силу, красоту, разум. Сила, мудрость и магические способности коня воплощаются через умение заговаривать, предсказывать и предвидеть события, предвещать судьбу, прежде всего –

⁷ Конь // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телцин В. А. Символы, знаки, эмблемы... С. 26.

⁸ Почему именно двенадцать? Режим доступа: <https://rusvera.ru/stati/religion/pochemu-imenno-dvenadcat.html> (дата обращения: 10.01.2020).

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

смерть. В русской народной сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» богатырский конь предупреждает главного героя не брать перо Жар-птицы, чтобы не попасть в беду, и заговаривает его, когда ему приходится окунуться в кипяток, а потом делает его красавцем писанным.

Еще одно нумерологическое число, связанное с лошадей, – число три. В сказке «Василиса Премудрая» красный конь символизирует солнце, черный – темную ночь, а белый – ясный день.

В различных традициях конь некогда представлял собой заупокойное животное, переносящее умершего в иной мир. Конь был психопомпом, хтоническим⁹ существом, другими словами, представителем царства мертвых.

В русской лингвокультуре сохранился сложный символ того места, куда отправляются после смерти души умерших, – иной мир, тот свет. Локус того мира / света – небо [22].

Кони в русской лингвокультуре тесно связаны с небом. На русских вышивках они символизировали солнце: «Сказка о Сивке-Бурке восходит к древним мифам о солнце ... Если посмотреть на рисунки вышивок, то заметна тенденция к сохранению композиции в них. В центре композиции находится женщина (иногда ее заменяет дерево), по обеим сторонам которой есть 2 коня – со всадниками или без них. Считается, что эти кони символизируют день и ночь, т. е. время. С другой стороны, кони в общеиндоевропейской символической относились к солнцу (вспомните древнегреческий миф о Фаэтоне)» [23, с. 103; 24], день и ночь, времена года – лето и зиму: дошедший до нас символ – Сивка-Бурка. «Цвет в имени Сивки-Бурки указывает на зимнее и летнее солнце. Сивый = седой (холодный, "неплодородный" свет, относящийся к старости). В древнерусском *сивъ*, *сивый* – темно-серый с сединою. Бурый – красно-коричневый, насыщенный, сильный = ярый (у жаркого солнца в русском языке есть эпитет ярое)» [24, с. 35].

Достичь иного мира можно было на коне (*Седлайте коней, Мы поскачем на царство теней, Мы ударим в пустые засовы*. Кузнецов Ю. Тегеранские сны). В мифах Древней Греции таким конем был Пегас – крылатый, а точнее, пернатый конь (*Наросло на перьях мясо, Меньше скрытого тепла, Изменилась у Пегаса Геометрия крыла*. Липкин С. Конь), у которого был доступ на Олимп.

На земле, в этом мире, кони сопровождали умерших в их дороге на тот свет (*За медным медленным, как боль, маршем Лафет в бессмертие влекут кони*. Симонов К. Памяти генерала Леселидзе). Как указывается в Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия, «согласно древним поверьям, лошади знают тайны загробного мира, поэтому

их использовали в похоронных обрядах как проводников или посланцев в загробный мир»¹⁰.

Особо следует остановиться на христианских символах коня. В тексте Библии в Откровении Иоанна Богослова встречается образ провозвестников конца света – четырех коней Апокалипсиса: конь белый символизирует чуму, красный (рыжий) конь – войну, черный (вороной) конь – голод, бледный конь – смерть. Эти четыре коня Апокалипсиса предвещают конец всей жизни¹¹.

Бледный конь – конь Блед – частый персонаж художественных произведений (*Показался с поворота всадник огнеликий, Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах. В воздухе еще дрожали – отголоски, крики, Но мгновенье было – трепет, взоры были – страх! Был у всадника в руках развитый длинный свиток, Огненные буквы возвещали имя: Смерть...* Брюсов В. Я. Конь блед; **Конь Блед Умчал их в тот, небесный вертоград?** Чиннов И. Был освещен торжественный фасад...). Возможно, этот образ восходит к тексту Библии: «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть»¹².

Белый же цвет есть цвет потусторонних существ, существ, потерявших телесность. Везде, где конь играет культовую роль, он всегда белый. Так, греки приносили в жертву только белых лошадей. В Апокалипсисе смерть сидит верхом на бледном коне; в германских народных представлениях смерть является верхом на тощей белой кляче¹³.

Русская символическая картина мира имеет сходный с шотландским мифологическим образом образ водяного духа, сверхъестественной формы чудовища, водяной лошади – Келпи, обитающей в реках и озерах. Она чаще всего является в облике пасущегося у воды коня, почти всегда черной масти, с мокрой, холодной кожей, видимой только ночью, уже оседланная и взнузданная, подставляет путнику свою спину и затем увлекает его в воду, водную могилу (*– А ты тогда скажи, пожалуйста: если бы не было на месте этом проклятого города – зачем бы выходил каждую ночь на Искандер-куль аспи-об, водяной конь. А он каждую, как есть, ночь пасется на берегу до зари. – Ты видел? – Мог я видеть, если я на Искандер-куле не ночевал никогда?* Мстиславский С. Д. Крыша мира).

Конь как представитель царства мертвых, как хтоническая, лунная сила зачастую предстает в черном обличии. Черная масть коня является самой доминирующей в этом отношении. Этот колоративный признак интерпретировался предками как цвет нечистой силы, антагонист белого цвета, означающего смерть, потусторонний мир, ночное время суток, эзотерику (**Черный конь из морских степей**

⁹ Петрухин В. Я. Конь, кобыла, лошадь // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: А–К. С. 591.

¹⁰ Лошадь (конь) (символ) // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. Режим доступа: <https://megabook.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).

¹¹ Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. М.: Астрель, АСТ, 2007. С. 383.

¹² Откровение. Гл. VI. Стих: 8.

¹³ Конь // Новый Акрополь. Режим доступа: <https://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/> (дата обращения: 20.12.2019).

пльвет, летит вода из круглой ноздри около круглого глаза. Хлебников В. Дети выдры).

В эпоху Возрождения конь стал символизировать похоть, он мог являться в образе диморфического существа, в котором уживалась не только высшая человеческая природа, но и низшая – звериная натура, похоть, неистовство, буйство (*То я была по ту сторону преграды, то по эту. Кентавр врача и пациента. Какой-то перелом происходил во мне мучительный.* Грекова И. Перелом; *Бова видит вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красносиней, глаза как угли раскалённые, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильной, у которого недоставало только шеи и головы; на плече держал палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно.* Радищев А. Н. Бова). Кентавры часто появляются в обрядах, посвященных Дионису.

В символической картине мира русского народа отобразилась и греческая иноземная модель мира конь – *троянский конь*, иносказательно именуемая тайный замысел, хитрую ловушку (*И этот вирус далеко не первый опаснейший «троянский конь», хотя, пожалуй, на сегодняшний день самый изощренный.* Потресов С. Год вирусного беспредела. Средневековые Интернета – эпидемии уносят миллионы долларов; *Может быть, это внеземной троянский конь, посланный на погибель нашей цивилизации?* Коваленко Е. Что мы знаем о молниях?).

В энциклопедии «Символы, знаки, эмблемы» В. Э. Багдасаряна и др. написано, что троянский конь – символ скрытности и коварства. Такое понимание интерпретируют появлением выражения «ход конем», несмотря на то, что в шахматах конь символизирует не столько скрытность, сколько жизнестойкость¹⁴ (*Где же твои непоколебимые принципы?! Еще бы – гроссмейстер сделал ход конем... А что – правильно сделал, убедительно.* Завершнева Е. Высотка).

Выводы

Как показывает проведенный анализ словарей символов и фактического материала, культурно-символические потенции в структуре репрезентантов исследуемого концепта *лошадь / конь* разнообразны. В русской концептуальной картине мира исследуемый концепт является противоречивым, амбивалентным: ему свойственна ахроматическая (черно-белая, поглощающее излучающая) образная природа: мрак – свет, жизнь – смерть, земля – небо. Все выявленные структурно-символические признаки данного концепта так или иначе переключаются между собой, даже выходя за рамки четкой оппозиции (например, когда белая масть коня олицетворяет диаметрально противоположные образы-представления в сознании народа). Следовательно, можно предположить, что все признаки являются составляющими одной символической модели: солярный символ – хтонический символ. В рамках данной символической модели были выделены следующие базовые

признаки: солнце; небо; дождь; земля; звезда; месяц; птица; огонь; свет; воздух; красный; вода; белый; золотой; иной мир; старость; море; горы; смерть; Келпи – водяной дух; бессмертие; черный; кентавр; троянский конь; время суток; число; единство; волшебство, магия; время суток; число; единство; плодородие.

В зеркале выявленных символических признаков отражается нравственная сущность животного, его черты характера, интеллектуальные и физические способности: духовность; скорость; вдохновение, созерцание; верность; упорство; бесстрашие; удача; благородство, знатность; чистота, недосягаемость; похоть, буйство; скрытность, коварство; сила; красота; разум; мудрость; мощь; жизненная сила.

Все представленные признаки восходят к теоцентризму как исторической форме выражения субъекта, его особого места в мироздании. В центре мира находится Бог, он есть абсолютное, совершенное бытие и наивысшее благо, предопределяющее пути, по которым следует человек. Подражание и уподобление богу считалось высшей целью и главным смыслом человеческой жизни, а почитание и служение ему – основа нравственности. Отсюда, как представляется, и возникли образные признаки коня, символизирующие его опосредованную природную связь с богом.

Все олицетворения, содержащиеся в образах коня и выявленные через символическую группу признаков структуры концепта в большинстве своем носят антропоморфный характер.

Заключение

Количество описанных символических признаков, безусловно, не является исчерпывающим. Образ коня берет свое начало из древних мифов, что делает его символику чрезвычайно многогранной, сложной и не всегда очевидной. Он живет в трех мирах: земном, неземном и промежуточном, граница между ними размыта.

Фактический материал отразил преимущественно природную сущность исследуемого концепта. В символических признаках концепт *лошадь / конь* находит отражение в обозначении всех стихий природы, природных явлений и небесных светил. Природные стихии считают одними из самых величайших проявлений сил Мира, основой Вселенной. Символизм мощи, жизненной силы, скорости, бесстрашия и др. всегда ассоциировался со стихийными силами огня, воды, ветра, бури.

Часть этих признаков свидетельствует о культурной значимости концепта *лошадь / конь* в русском языковом сознании как положительно-ориентированного синкретичного образа: исторически сложилось так, что жизнь коня была связана с жизнедеятельностью человека – конь стал незаменимым помощником в сельском хозяйстве, в военном деле, самым быстрым и единственным средством передвижения, в конце концов, двигателем цивилизации. Все признаки являются инвариантными, поскольку до сих

¹⁴ Конь // Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицин В. Л. Символы, знаки, эмблемы... С. 25.

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225

пор актуализируются в своих исконных значениях в русской языковой картине мира.

Проведенный анализ также говорит об историческом родстве многих культур – символические признаки в этих культурах имеют тенденцию переключаться. Это говорит об общем начальном этапе развития человечества, схожем мифологическом мышлении и смежной мифологической картине мира.

Символ не есть обособленная частность, а есть автономная многослойная структура, расшифровать смысл,

объяснить и понять которую требует от интерпретатора работы с различными лингвокультурными кодами (вербальным и культурным).

Таким образом, исследование мифосимволической составляющей анималистического концепта *лошадь / конь* с позиции языка как кладези исторически заложенного знания раскрыл индивидуально-специфический способ восприятия и объяснения существования образов лошади в жизни русского народа.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь / конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 488–495. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
3. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
4. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
5. Маслова В. А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184–197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197
6. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 279 с.
7. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
8. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные мифы фантастики, волшебной сказки, утопий, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
9. Хюбнер К. Истина мира. М.: Республика, 1996. 448 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.
12. Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск: ПГАУ, 2003. 305 с.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
14. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
15. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 238 с.
16. Башкатова Ю. А. Символические признаки соматических концептов // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 239–246.
17. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концепта *horse* (лошадь) // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 112–117.
18. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.
19. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта; Наука, 2011. 176 с.
20. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Literat/afan/03.php (дата обращения: 12.12.2019).
21. Трубаева Е. И. Соотношение понятий знак-символ-значение-концепт в исследовании текста // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат-лам VI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 14 декабря 2011 г.) Новосибирск: СибАК, 2011. Ч. I. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/philolog/vi/26532> (дата обращения: 20.12.2019).
22. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов *небо* и *heaven* в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 25 с.
23. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. 256 с.
24. Пименова М. В. Русская сказка. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2012. 68 с.

Mythosymbolic Component of the Animalistic Concept Horse (Loshad' / Kon') in the Russian Language Picture of the World

Feruzha Sh. Bekmurzaeva^{a, @, ID}

^a General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics, Russia, St. Petersburg

@ bekmur-feruza93@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Received 21.01.2020. Accepted 19.02.2020.

Abstract: The research featured concept "horse", which is one of the key archetypal concepts of the Russian culture. The present article focuses on the secondary symbolic constituents that form the structure of the concept. The research objective was to describe symbolic features in the structure of the concept. The material involved sources of the Russian national corpus, Russian folk tales, and other genres of the belles-lettres discourse representing diverse functional styles of the language. The study revealed the ambivalent nature of symbolic categorization of the animal concept in the Russian language through the prism of religious and mythological worldview. The ambivalent nature represented in the bilateral image is in its polar opposition. On the one hand, it is a solar symbol, a symbol of celestial source, and deity. On the other hand, it is chthonic and demonological. Thus, it implies the following symbolic signs: sun; sky; rain; earth; star; month; bird; fire; light; air; red; water; white; gold; another world; age; sea; mountains; death; Kelpie – a water spirit; immortality; black; centaur; Trojan horse; the magic; time of day; number; unity; fertility; spirituality; speed; inspiration, contemplation; loyalty; persistence; fearlessness; luck; chivalry, nobility; purity, and inaccessibility; lust, riot; secrecy, deceit; power; beauty; intelligence; wisdom; power; life force. Ambivalent features revealed on the basis of factual material are invariant, since their historical significance is also actualized in modern linguistic realities. In addition, for the most part they are positively oriented, which indicates the marking and significance of the horse in the consciousness and life of the Russian people.

Keywords: cognitive linguistics, linguoculturology, structurally symbolic signs, symbol, mythology

For citation: Bekmurzaeva F. Sh. Mythosymbolic Component of the Animalistic Concept Horse (Loshad' / Kon') in the Russian Language Picture of the World. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 216–225. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-216-225>

References

1. Kubryakova E. S. *Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560. (In Russ.)
2. Bekmurzaeva F. Sh. Motivating signs of concepts "Horse" and "Loshad' / Kon'" in cross-cultural conceptual worldviews. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 488–495. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495
3. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
4. Potebnya A. A. *Word and myth*. Moscow: Pravda, 1989, 624. (In Russ.)
5. Maslova V. A. The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics. *Russian Language Studies*, 2019, 17(2): 184–197. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197
6. Kasevich V. B. *Buddhism. World picture. Language*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996, 279. (In Russ.)
7. Tsvyann T. V. *Linguistic bases of the Balkan model of the world*. Moscow: Nauka, 1990, 203. (In Russ.)
8. Kovtun E. N. *Poetics of the extraordinary: Artistic myths of fiction, fairy tales, utopias, parables, and myth: (Based on European literature of the first half of the twentieth century)*. Moscow: Izd-vo MGU, 1999, 308. (In Russ.)
9. Hübner K. *The truth of the world*. Moscow: Respublika, 1996, 448. (In Russ.)
10. Jung C. G. *Archetype and symbol*. Moscow: Renessans, 1991, 304. (In Russ.)
11. Krasavsky N. A. *Emotional concepts in German and Russian linguacultures*. Volgograd: Peremena, 2001, 493. (In Russ.)
12. Alimuradov O. A. *Sense. Concept. Intentionality*. Pyatigorsk: PGLU, 2003, 305. (In Russ.)
13. Askoldov S. O. Concept and word. Russian literature. *From the theory of literature to the structure of the text*, ed. Neroznak V. P. Moscow: Academia, 1997, 267–280. (In Russ.)
14. Karasik V. I. On the categories of linguaculturology. *Language personality: problems of communicative activity*. Volgograd: Peremena, 2001, 3–16. (In Russ.)
15. Kolesov V. V. *Language and mentality*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 238. (In Russ.)
16. Bashkatova Yu. A. Symbolic features of somatic concepts. *Siberian Journal of Philology*, 2014, (2): 239–246. (In Russ.)

17. Bekmurzaeva F. Sh. Motivating signs of the concept "horse". *Conceptual study in the aspect of linguoculture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2018, 112–117. (In Russ.)
18. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 248. (In Russ.)
19. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. *Conceptual research. Introduction*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 176. (In Russ.)
20. Afanasiev A. N. *The tree of life: featured articles*. Moscow: Sovremennik, 1982, 464. (In Russ.) Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/afan/03.php (accessed 12.12.2019).
21. Trubaeva E. I. Correlation of the concepts sign-symbol-meaning-concept in the study of the text. *In the world of science and art: questions of philology, art history, and cultural studies*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, December 14, 2011. Novosibirsk: SibAK, 2011, pt. I. Available at: <https://sibac.info/conf/philolog/vi/26532> (accessed 20.12.2019). (In Russ.)
22. Demidova E. E. *Structures and ways of updating the features of the concepts "nebo" and "heaven" in Russian and English language pictures of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2010, 25. (In Russ.)
23. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales*. St. Petersburg: VI ZhDV i VOSO, 2015, 256. (In Russ.)
24. Pimenova M. V. *Russian fairy tale*. Kiev: Izdatel'skii dom D. Burago, 2012, 68. (In Russ.)